

I. БЕЗПРИЗОРНЫЯ ДѢТИ ВЪ СОВѢТСКОЙ РОССІИ.

Безпризорныя дѣти несомнѣнно самое тревожное, самое тяжелое послѣдствіе большевицкаго владычества. Безпримѣрное и невиданное въ Европѣ, со времени, вѣроятно, 30-лѣтней войны, явленіе безпризорныхъ дѣтей, какъ *особаго соціального класса*, какъ неизбѣжной принадлежности повседневнаго большевицкаго быта, является. быть можетъ, самымъ суровымъ осужденіемъ большевицкой власти, самымъ жестокимъ изобличеніемъ ея.

Вначалѣ большевики объясняли дѣтекую безпризорность какъ наслѣдіе «царизма» и капиталистическаго строя; цинично называли безпризорныхъ дѣтей «издержками соціальной революціи», «тѣми щенками, которыя летятъ, когда лѣсъ рубятъ». Но размѣры бѣдствія постепенно стали устранивать даже этихъ несмущающихся людей, и въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ столбцы столичныхъ и провинціальныхъ газетъ были покрыты множествомъ статей, самыми заголовками свидѣтельствующихъ о непрекращающейся остротѣ вопроса. «На помощь дѣтямъ», «Семь милліоновъ безпризорныхъ дѣтей погибаетъ», «Армія безпризорныхъ растетъ», «Пятно нашей жизни», «Дѣтская безпризорность — угроза общественной жизни» и т. д. и т. д. Число безпризорныхъ дѣтей по единодушному свидѣтельству всѣхъ занимавшихся этимъ вопросомъ, громадно. Надежда Крупская вдова Ленина, пишетъ въ «Московской Правдѣ» отъ 21 ноября 1924 года: «У насъ *семь милліоновъ* безпризорныхъ дѣтей зарегистрировано. Въ дѣтскихъ же домахъ и другихъ подобныхъ учрежденіяхъ ихъ въ лучшемъ случаѣ 800 тысячъ. Гдѣ же остальные? Мы мало думаемъ объ этомъ ужасномъ явленіи и еще меньше дѣлаемъ для ликвидаціи его. Неужели мы дѣйствительно такъ тупы, что не можемъ найти иного средства, кромѣ звучавшихъ насмѣшкой словъ: «маршъ къ родителямъ или въ дѣтскіе дома!» Вѣдь у этихъ дѣтей нѣтъ ни того, ни другого». У другихъ изслѣдователей этого вопроса мы встрѣчаемъ другія цифры. Такъ, д-ръ Василевскій въ своемъ сочиненіи «Голгофа ребенка» говоритъ о *двухъ милліонахъ сиротъ и четырехъ милліонахъ полусиротъ*. Встрѣчаемъ также цифры въ пять, четыре и три милліона. Числа постоянно расходятся, что объясняется какъ общей

неточностью, свойственной всёму большевицкимъ даннымъ, такъ и тѣмъ, что правительственные органы и частные авторы исходятъ изъ различнаго понятія безпризорности. Газета «Трудъ» даетъ слѣдующія данныя о социальномъ составѣ безпризорныхъ дѣтей. Согласно исчисленіямъ, помѣщеннымъ въ № 116 этой газеты, почти 75% безпризорныхъ дѣтей всего СССР — этой «крестьянско-рабочей республики» — были дѣтьми рабочихъ и крестьянъ, и процентъ этотъ въ 1926 году повысился сравнительно съ 1925 годомъ. Безпризорныхъ дѣтей рабочихъ въ 1925 г. было 29,3% всего числа, въ 1926 же году — этотъ процентъ достигъ уже 37,4%. Круглыхъ сиротъ въ общемъ числѣ безпризорныхъ было 67%, полусиротъ 27,5% и имѣющихъ обоихъ родителей 3,5%. По возрасту безпризорныя дѣти распредѣлялись такъ. Отъ 3 до 7 лѣтъ — 15%, отъ 8 до 13 лѣтъ — 57,1%, отъ 14 до 16 — 20,9% и старше этого возраста — отъ 6 до 7%.

Въ совѣтскихъ органахъ находимъ слѣдующія описанія жизни безпризорныхъ дѣтей. «Голодные, оборванные, дрожа отъ холода, бродятъ по нашимъ городамъ безпризорныя дѣти. Они сняты въ погребкахъ, въ общественныхъ уборныхъ, въ выгребныхъ ямахъ, подвалахъ, на чердакахъ, подъ вагонами. Ихъ гонять отовсюду, толкаютъ, бьютъ. Ихъ лица разѣдены цыгой, люпусомъ, тѣла покрыты ранами и нарывами. Многие изъ нихъ такъ обезсилены, что не могутъ даже просить милостыню». («Харьковскій Коммунистъ», 18. 5. 1926). «Безпризорныя дѣти — настоящая опасность на улицахъ нашихъ городовъ. Когда голодъ становится невыносимымъ, а милостыни имъ не подаютъ, они начинаютъ красть, обманывать, грабить... Для болѣе успешнаго достиженія своихъ цѣлей безпризорные объединяются въ шайки и постепенно становятся настоящими преступниками». («Правда», 21. 5. 1927). Преступность среди безпризорныхъ очень велика, и ростъ ея очень увеличивается. «Бандитизмъ принялъ у безпризорныхъ колоссальные размѣры». (Циркуляръ Нар. Ком. Юстиціи. № 36). Журналъ «Психіатрія и Неврологія» сообщаетъ, что преступность среди дѣтей въ Петербургѣ увеличилась по сравненію съ довоеннымъ временемъ въ 10 разъ. Состояніе здоровья ихъ крайне плохо. «Большинство изъ нихъ, — говоритъ тотъ же журналъ, — боится заразными болѣзнями, какъ-то: туберкулезомъ, чесоткой и половыми болѣзнями». Московская «Правда» пишетъ въ № 46: «Достаточно взглянуть на отчеты комисси по дѣтскому вопросу, чтобы убѣдиться, что сифились, гоноррея, кокаинизмъ, алкоголизмъ и противоестественные пороки со всѣми ихъ послѣдствіями невѣроятно распространены среди безпризорныхъ». Докторъ Соломоновичъ опредѣляетъ число кокаинистовъ среди безпризорныхъ въ 40—60%.

До сихъ поръ, несмотря на всѣ старанія совѣтской власти, не удалось «очистить» улицъ большихъ городовъ или хотя бы

только Москвы отъ безпризорныхъ. «Сколько разъ уже. — жалуется въ «Правдѣ» отъ 20. 5. 1927 Калинина, жена председателя СССР, — очищали улицы Москвы отъ безпризорныхъ, но они все тамъ. На каждомъ углу — это настоящій кошмаръ. И число бандъ все увеличивается. «Безпризорныя дѣти — одна изъ характернѣйшихъ чертъ городовъ совѣтской Россіи. Это настоящая бродячая Русь». («Трудъ», 22. 4. 1927).

Вначалѣ совѣтская власть старалась бороться съ безпризорностью и была преисполнена самыхъ розовыхъ надеждъ. «Въ совѣтской Россіи нѣтъ мѣста безпризорности, не должно быть дѣтей улицы» — писалъ журналъ «Соціалистическое Строительство», №№ 8 и 9 за 1919 г. «Въ совѣтской Россіи каждый ребенокъ имѣетъ право развиваться въ условіяхъ живого творчества и свободнаго труда». Осуществленіе этихъ задачъ было возложено на «Отдѣлъ соціально-правовой охраны несовершеннолѣтнихъ». По истеченіи 7 лѣтъ со времени организаціи этого учрежденія Надежда Крупская пишетъ въ «Правдѣ», № 55, 1926, объ охранѣ безпризорныхъ, какъ о задачѣ, которую *еще предстоитъ* разрѣшить: «Необходимо, чтобы кто-то озаботился о томъ, чтобы ребята деревенской и городской бѣдности не гибли отъ недостаточнаго питанія, не дрогли и не простужались. Нужна защита дѣтей отъ жестокаго обращенія, спаиванія и эксплуатаціи. Мы должны заботливо растить молодое поколѣніе, а у насъ это дѣло въ забросѣ». Согласно даннымъ, опубликованнымъ въ 1925 году (время наиболѣе широкаго развитія дѣятельности отдѣла Соціально-Правовой Охраны), въ вѣдѣніи его состояло 5 411 учреждений — дѣтскихъ домовъ, колоній, городковъ, изоляторовъ и т. д., въ которыхъ содержалось свыше 600 000 человекъ. Основнымъ орудіемъ борьбы съ безпризорностью большевики считали «дѣтскіе дома». На эти учрежденія возлагались особыя надежды. Они должны были доказать, что общественныи уходъ за дѣтьми даетъ гораздо лучшіе результаты, чѣмъ частныи индивидуальныи, ненаучныи и нераціональныи уходъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ любящихъ, но невѣжественныхъ родителей, не обладающихъ тѣми силами, средствами, способами и приспособленіями, какими обладаетъ организованное общество (Гойхбаргъ, «Брачное и семейное право въ совѣтской республикѣ»). Однако, Надежда Крупская такъ характеризуетъ дѣтскіе дома: «Въ дѣтскихъ домахъ воспитываются бандиты какіе-то, живутъ тамъ мало неженатые бездѣльники, лодырничаютъ, безобразничаютъ». («Правда», № 275, 1925 г.). Луначарскій въ отчетѣ своемъ пишетъ: «Дѣло въ нашихъ дѣтскихъ домахъ обстоитъ очень плохо. Преподаваніе, поскольку оно вообще существуетъ, совершенно неудовлетворительно; практическая подготовка еще хуже. Хотя на содержаніе дѣтскихъ домовъ затрачиваются ежегодно громадныя суммы, большинство изъ нихъ находится въ крайне печальномъ состояніи.

Почти повсюду неудовлетворительное питаніе, недостаточная одежда, одна пара сапогъ приходится на 20 дѣтей, одно пальто на 10 дѣтей, одна кровать на двухъ-трехъ. Въ результатѣ этого переполненія и антисанитарныхъ условій являются массовыя заболѣванія дѣтей различными заразными болѣзнями». (Отчетъ народнаго комиссара просвѣщенія за 1925 годъ, стр. 25—27). Въ рѣчи своей, произнесенной 14 апрѣля 1927 года на всероссійскомъ съѣздѣ совѣтовъ, Луначарскій заявилъ: «Намъ нуженъ цѣлый рядъ лѣтъ борьбы для избавленія отъ бѣдствій безпризорности. Въ дѣтскихъ домахъ дѣти достигли 17—18-тилѣтняго возраста и мы не знали, что дѣлать съ ними. Они остались у насъ на рукахъ и можно было опасаться, что станутъ заключаться браки, а затѣмъ появится на свѣтъ новое молодое поколѣніе, — *нѣкое коренное населеніе дѣтскихъ домовъ*». «Какихъ людей готовятъ намъ дѣтскіе дома? — способныхъ къ труду или лѣнтяевъ? — рабочихъ или паразитовъ? — спрашиваетъ комсомольская «Правда», отъ 22 января 1928 года.

Неудача съ дѣтскими домами побудила большевиковъ начать *сокращеніе ихъ дѣятельности*. На 1 января 1928 года докторъ Эпштейнъ опредѣляетъ число дѣтскихъ домовъ уже только въ 1852, и въ нихъ всего 160 250 дѣтей. Но жизнь въ этихъ учрежденіяхъ, описанная въ статьяхъ д-ра Эпштейна въ «Комсомольской Правдѣ», 22 и 24 января 1928 года, нисколько не улучшилась.

На смѣну дѣтскимъ домамъ явилась новая радикальная мѣра: раздача безпризорныхъ дѣтей въ обученіе отдѣльнымъ ремесленникамъ и кустарямъ. Такимъ образомъ, *было официально признано крушеніе теоріи о преимуществахъ коммунистическаго воспитанія и объ образованіи новаго человека*. Однако, и эта мѣра не дала желательныхъ результатовъ. И та же Надежда Крупская писала по этому поводу: «Не успѣли еще эту мѣру провести, отправить ребятъ по этану для распредѣленія по волостямъ, а уже въ газетахъ стали появляться описанія судебныхъ дѣлъ объ истязаніи дѣтей, взятыхъ на воспитаніе. Не организовавъ контроля, не отобравъ дѣтей ни по здоровью, ни по склонности, мы стремились къ одному: «разгружать дѣтскіе дома». («Правда», № 275).

Такимъ образомъ борьба съ безпризорностью не дала *никакихъ результатовъ*. Объ этомъ свидѣлствуютъ многочисленныя признанія занятыхъ борьбой съ безпризорностью лицъ. Такъ, Богуславскій пишетъ: «Характернымъ для современнаго положенія безпризорности является «стабильность» ея (устойчивость), «вслѣдствіе этого грозитъ образованіе *постояннаго состава безпризорныхъ*». «Извѣстія» отъ 25 января 1928 года пишутъ: «Мѣстныя организаціи удалили съ улицъ множество безпризорныхъ дѣтей, и тѣмъ сильно уменьшили число этихъ бродячихъ существъ: несмотря на это, безпризор-

ность продолжаетъ быть массовымъ явленіемъ, бросающимся въ глаза каждому и требующимъ принятія самыхъ рѣшительныхъ мѣръ».

Нѣмецкій писатель, недавно посѣтившій Россію, приходитъ къ заключенію, что только *ссылка, пулеметъ или отравы* являются рѣшительными средствами для ликвидаціи безпризорности. Такъ, по крайней мѣрѣ, по его заявленію, говорили ему *многіе представители совѣтской власти*.

А. Бунге.

II. РУССКІЙ КОНЬ ПОДЪ ВЛАСТЮ СОВѢТОВЪ.

Судьба русскаго коневодства, процвѣтавшаго до революціи *), показательна для всей русской культуры за послѣдніе десять лѣтъ.

Къ сожалѣнію, приходится пользоваться статистическими данными почти исключительно изъ совѣтскихъ источниковъ, всегда имѣющихъ тенденцію прикрасить совѣтскую дѣйствительность.

«Въ составѣ статистическихъ органовъ совѣтской власти имѣются значительные кадры очень опытныхъ и научно высоко-квалифицированныхъ статистическихъ силъ. Несчастье однако, заключается въ томъ, что вся совѣтская статистика превращена въ служанку автократіи, что она работаетъ подъ гнетомъ чисто политическихъ заданий». (Талинъ: «Господинъ Урожай», «Совр. Зап.», XXVI). Это же авторитетно подтверждаетъ самъ товарищ Каменевъ: «Въ С. С. С. Р. даже цифры втянуты въ политическую борьбу».

По мнѣнію совѣтскаго экономиста Огановскаго въ 1925 г. въ Европейской и Азіатской Россіи, по сравненію съ 1916 годомъ (т. е. въ разгаръ войны послѣ, цѣлаго ряда поставокъ лошадей по военно-конской повинности)— не хватало 26,3% лошадей; въ концѣ же 1927 года Огановскій и народный комиссаръ земледѣлія Смирновъ пытаются доказать, что «контингентъ рабочихъ лошадей недовозстановленъ на 17,3%». Дѣйствительность же несомнѣнно гораздо безотраднѣе. Оффиціальнѣе обзоръ сельскаго хозяйства 1925 г. («Эк. Жизнь», 224—225) опредѣляетъ количество безлошадныхъ по всей Россіи въ 60%. По даннымъ «Бѣдноты» (27. XI. 1927 г.) въ одной лишь Р. С. Ф. С. Р. имѣлось въ 1926 г. 30,4% или 4,6 милліоновъ безлошадныхъ хозяйствъ. Въ Воронежской губ. 53% не имѣютъ вовсе рабочаго скота. По мнѣнію спецозовъ необходимо

*) См. мою статью «Россійское коннозаводство до революціи». «Русскій Колоколь» № 5.